Людмила Дубинина

ЖИЛИ-БЫЛИ В НАРО-ФОМИНСКЕ

С. А. и П. И. Щербатовы в своей квартире в Риме. 1950-е годы

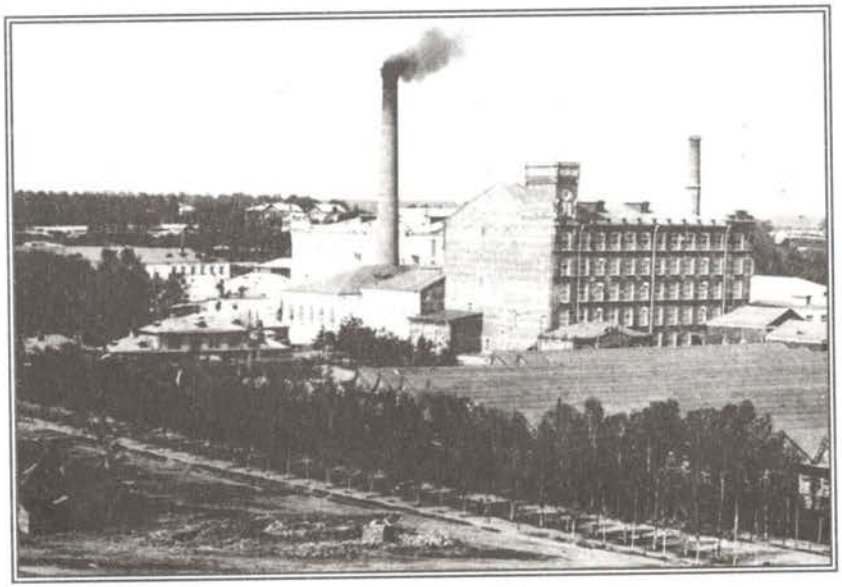
Щербатовым, понимаешь, что оно было всегда с ними, как неизбывная тоска по России, и одиночество.

Князь Сергей Александрович Щербатов скончался в Ри ме 23 мая 1962 года, Полина Ивановна пережила его на четы ре года. Они похоронены рядышком на историческом рим ском кладбище. Двое из миллионов наших соотечественнико унесенных безжалостным ветром революции на чужбину ил погибших в самой России. Культурных, умных, талантливы всей душой и сердцем любивших Россию. Вероятно, весь на путь в двадцатом веке, пройденный вместе с ними, был б иным...

Из личной жизни купца Якунчикова

О происхождении Василия Ивановича Якунчикова (1827-1909), одного из учредителей Товарищества Воскресенская мануфактура в селе Наро-Фоминском, пока известно немного. Автор книги "Москва купеческая" П. А. Бурышкин, упоминает Якунчиковых среди московских купеческих фамилий, известных с первой четверти XIX века. (1) Но он не сообщает, чем они занимались. Фамилии Якунчиковых нет в "Списке фабрикантам и заводчикам Российской империи за 1832 год" в разделе Москвы и Московской губернии. (2) Правда, в том же списке имеется сообщение о купцах 2-й гильдии Владимирской губернии Ковровского уезда Степане и Павле Лукьяновичах Якунчиковых, чьи занятия отнесены к разделу хрустальных и стеклянных фабрик. Но нельзя утверждать, что предки нашего героя - выходцы из этих мест. Фамилию Якунчиковых, можно встретить и в записях метрических книг церкви села Малькова. Она принадлежала крестьянам села Котово Калужской губернии. В словаре Владимира Даля слово "якунить" толкуется в значении "ходить на промысел на зверя, полевать, лесовать, охотиться". Но в древности было еще и имя Якун. Так что прозвище, а затем и фамилия с таким корнем была не столь уж редкой на Руси. Несомненно одно - Иван Якунчиков был человек предприимчивый. Он сумел сколотить начальный капитал и завести свое дело.

Он мог быстро сделать немалое состояние, занявшись торговлей или весьма выгодными винными откупами, а его сын продолжил дело отца. Последнее подтверждает письмо знаменитого российского откупщика Василия Александровича Кокорева к Василию Ивановичу Якунчикову: "Ваше любезное письмо перенесло мои мысли к воспоминаниям о событиях, бывших в 1846 году, в котором я первый раз имел удовольствие познакомиться с Вами на откупных торгах в Ярославле". Сам Кокорев был известен тем, что, желая "придать торговле вином увлекательное направление в рассуждении цивилизации", подал в правительство "записку" об откупном комиссионерстве. Финансистов устраивали предложенные им реформы



Наро-Фоминская фабрика

в откупном деле, так как питейный доход в то время составлял почти 45 процентов государственного бюджета. Купец Савва Иванович Мамонтов называл Кокорева "откупщицким царем". "Откуп" предполагал ежегодную выплату государству предполагаемого им дохода от торговли вином. Но между предполагаемым и действительным доходами была значительная разница, которая оставалась в карманах откупщиков, перепродававших зелье хозяевам винных лавок и кабаков. Но государство и это устраивало, так как чиновники украли бы больше.

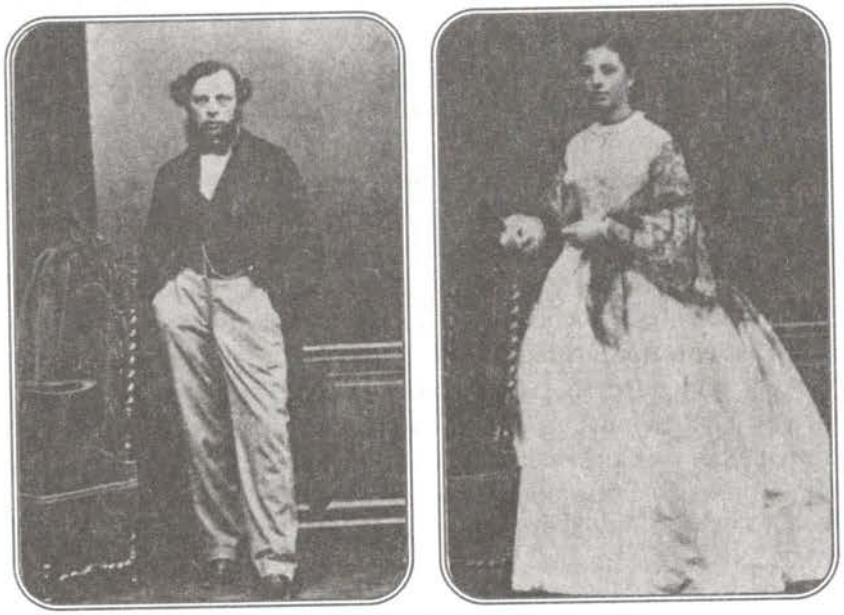
В 1846 году Василию Якунчикову исполнилось 19 лет. Он делал первые успешные шаги в коммерции. Откупы были отменены в 1863 году, но Василий Якунчиков расстался с этим занятием гораздо раньше. Имея значительные средства, он долго жил в Англии, приобрел там необходимые знания для ведения промышленного дела и вернулся в Россию, по мнению окружающих, "западником и англофилом". Но тот же В. А. Кокорев придерживался другого мнения. Благодаря его письму можно узнать не только о внешности юного Василия

Якунчикова, но и о его убеждениях в более зрелом возрасте: "Как сейчас представляю себе юношу, с шапкой кудреватых волос на голове, с розовыми щеками и созерцательным взглядом на окружающее. Потом этот юноша надолго уехал в Англию, воспринял там только то, что пригодно для России, и возвратился домой, нисколько не утратив русских чувств и русского направления. Этот юноша - Вы, продолжающий свое коммерческое поприще с достоинством и честью для родины". (1) За границей было чему поучиться, особенно по части мануфактуры. У Якунчикова здесь появились не только учителя, но и друзья. Многих иностранных специалистов он затем приглашал работать на свою фабрику.

В 1854 году Василий Иванович весьма удачно женился на Екатерине Владимировне Алексеевой (1833-1858), породнившись с видными московскими купеческими фамилиями. Отец жены, Владимир Сергеевич, возглавлял товарищество "Владимир Алексеев", владевшее хлопкоочистительными заводами и шерстомойнями. Немалые доходы приносили овцеводство и коневодство, золотоканительная фабрика в Москве, позднее кабельный завод, где директором был его внук Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский). Одна из сестер Екатерины Владимировны Вера (1823-1877) была замужем за купцом Григорием Григорьевичем Сапожниковым, имевшим торговлю шелковыми товарами в Китай-городе и положившим начало большому парчовому и шелкоткацкому производству. Их дочь, Елизавета Григорьевна, стала женой крупного промышленника и мецената Саввы Ивановича Мамонтова (ему принадлежало знаменитое имение Абрамцево). В свое время его дед, Федор Иванович Мамонтов тоже нажил огромное состояние откупным промыслом. Якунчиков мог быть знаком с купцами братьями Иваном и Николаем Федоровичами Мамонтовыми, так как они тоже на первых порах занимались откупом. К тому же Иван, начиная с 1845 года, был компаньоном Кокорева. В дальнейшем Мамонтовы и В. И. Якунчиков породнились.

По воспоминаниям А. Н. Боткиной: "Братья Иван и Николай Федоровичи приехали в Москву богатыми людьми. Ни-

колай Федорович купил большой и красивый дом с обширным садом на Разгуляе. К этому времени у него была большая семья. Между 1829 и 1840 годами родилось шесть сыновей. В 1843 и 1844 годах - две дочери, Зинаида и Вера. Для родителей и для братьев эти две девочки были постоянным предметом заботы и нежности. И хотя после них было еще четверо детей, эти две остались всеобщими любимицами... Между собой они



В. И. и З. Н Якунчиковы. 1862

были дружны и неразлучны. Их даже называли не Зина и Вера, а "Зина-Вера", соединяя их в одно. Характеры их, особенно впоследствии, оказались разными, как и их жизни: Зинаидой восхищались, Веру любили". (3)

Сестры, подрастая, становились настоящими красавицами. Высокие, стройные, довольно полные, но элегантные. Каштановые волосы, серые миндалевидные глаза с длинными ресницами, нос с горбинкой. В форме лба у обеих было что-то бетховенское. Они были дружны, как близнецы. Но веселая ласковая и общительная Вера была похожа на отца, а сдержанная, порой холодная, Зина - на мать. С детства они владели немецким, французским, позднее английским языками. С ранних лет учились играть на фортепиано. Знали гармонию и сочиняли маленькие пьесы.

Когда Зинаиде исполнилось шестнадцать лет, за ней начал ухаживать Якунчиков потерявший в 1858 году жену. Василий Иванович, по словам современников, был красив. Он любил музыку, сам играл на скрипке (у него была прекрасная Амати), хорошо знал английский язык, имел прекрасные манеры... И юная Зина Мамонтова в него влюбилась. Вопреки уговорам матери не выходить замуж за вдовца с тремя детьми, она поступила по-своему. 5 июля 1861 года они повенчались и стали жить в большом особняке с флигелями на Средней Кисловке. Участок на углу Среднего и Малого Кисловских переулков Якунчиков приобрел у генерал-майора Г. А. Колокольцева в 1858 году. Позднее он еще прикупил участки земли на этих переулках. Двухэтажный дом, принадлежавший Якунчикову, был построен еще в XVIII веке. В 1953 году здание было надстроено. Ныне в нем размещается ГИТИС. (4)

Воспитанная строгой матерью, Зинаида Николаевна робко входила в устоявшуюся жизнь большого дома, долго робела перед мужем, гувернантками и рыжим лакеем Павлом. В семье смешивались западные и русские устои. По заведенному Василием Ивановичем порядку завтраки и обеды подавались торжественно в строго определенное время. В длинной столовой первого этажа, окна которой выходили в сад, стоял большой стол. Прислуживали два лакея в белых перчатках, буфетчик, горничные и немка-экономка. Дети должны были сидеть за столом чинно, не горбясь. За ними следила англичанка. Вставая из-за стола, подходили приложиться к руке отца и матери. По утрам до кофе дети шли в спальню Зинаиды Николаевны, целовали ее красивую, нежную руку. Затем с той же целью отправлялись к отцу, где часто присутствовали при его бритье или разговоре с экономкой. Круг общения Василия Ивановича составляли в большей мере финансисты и иностранцы. Зинаидой Николаевной, ее дядями и братьями Мамонтовыми в доме поддерживалась атмосфера искусства и красоты. (5)

По воспоминаниям Веры Васильевны (в замужестве Вульф), "отец и мать - две врозь живущие души". Мать - "горделивая, холодная, изящная красавица с тонким, орлиным носом, опущенными углами длинных серых глаз, слегка капризным очертанием губ. Неприступно-печальная, скрытно-выдержанная, натура артистическая, удалившаяся от всего повседневного". Отец - "крупный коммерсант, англоман, материалист, человек предприимчивого ума, весь в практической деятельности, в путешествиях, общительный, горячий, но изменчив в настроениях, скуповат и непоседа".

П. М. и В. Н. Третьяковы

От первого брака у Якунчикова осталось трое детей: Владимир (1855-1916), Елизавета (1856-1937), Наталья (1858-1931). После смерти матери их воспитывала добрая старушка - англичанка мисс Дериман Елена Ивановна. Она жалела Зинаиду Николаевну и старалась облегчить ей жизнь. Тем более, что у молоденькой мачехи один за другим рождались дети.

Всего во втором браке у Якунчикова было девять детей: Сергей (родился и умер в 1862), Зинаида (1863/1864-1929), Василий (1865-1880), Ольга (1867-1917), Вера (род. и ум. в 1870), Мария (1870-1902), Вера (1871-1923), Николай (1873-1931), Елена (1882?-1888).

Зинаида Николаевна плохо разбиралась в хозяйстве, но страстно любила музыку и была, по признанию многих известных музыкантов, одаренной пианисткой. Ее первым учителем был органист католической церкви, и, обожая музыку Бетховена и Шопена, она лучше всего исполняла Баха. В старости любила играть Скрябина, у которого брали уроки и она, и ее дочери и которого поддерживала материально, особенно во время его тяжелой болезни. В 1860 году пианист и дирижер Николай Григорьевич Рубинштейн при поддержке московских любителей музыки учредил Московское отделение Императорского Русского музыкального общества. Среди первых почетных членов общества, внесших единовременно 1000 рублей, наряду с князем Н. С. Трубецким и купцом С. М. Третьяковым был В. И. Якунчиков. Действительные члены ИРМО ежегодно платили 100 рублей, что давало право иметь кресла на все симфонические и камерные концерты, а также концерты учеников Московской консерватории, основателем которой в 1866 году стал Н. Г. Рубинштейн. Якунчиков внес значительный материальный вклад и в строительство здания консерватории, место для которой нашлось на Большой Никитской, неподалеку от его дома. (3)

На концерты выезжали по-родственному: ложи Якунчиковых и Третьяковых (Вера Николаевна вышла замуж за купца Павла Михайловича Третьякова) находились рядом. Зимой по пятницам детей вывозили на генеральные репетиции музыкантов. Концерты проходили и в доме Якунчикова, где в огромной бальной зале с двумя колоннами, люстрами, зеркалами и канделябрами стояли два рояля. Сюда на музыкальные вечера, где часто выступали с фортепианными концертами Николай и Антон Рубинштейны или заезжие знаменитости, собиралась вся культурная Москва. На них присутствовал и Великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы. По словам Бориса Пастернака, во время концертов художники Леонид Пастернак (отец поэта) и Валентин Серов рисовали на долговязого князя карикатуры. (6)

Дом Якунчиковых стоял в центре Москвы, но здесь жили по-деревенски. Посередине большого чистого двора стоял ко-

Фабричный духовой оркестр. 1890-е годы

лодезь. В большом сарае размещались лошади, кареты и пролетки, которыми заведовали несколько кучеров. По воспоминаниям Екатерины Васильевны Сахаровой, дочери Натальи Васильевны и Василия Дмитриевича Поленовых и внучки В. И. Якунчикова, "у дедушки была своя корова, она присоединялась к стаду, поднимавшемуся вверх по Средней Кисловке. Стадо заворачивало к Арбатской площади, по Пречистинскому бульвару спускалось к Москве-реке и по Каменному мосту переправлялось на пастбище".

В задачи членов русского музыкального общества входила популяризация музыки и привлечение к занятиям ею широких слоев народа. На фабрике в селе Наро-Фоминском были созданы оркестры для рабочих и служащих. На одном из снимков, хранящихся в местном историко-краеведческом музее, 52 музыканта и дирижер. На оркестрантах одинаковые косоворотки в горох, новенькие картузы. На одних щеголеватые штиблеты, на других - сапоги в гармошку. Здесь дети и подростки, юноши и степенные мужики, некоторые с бородами. На фотографии хорошо видны инструменты: кларнеты, саксофоны, фаготы, гобои, трубы, баритоны, барабаны маленький и большой с тарелками, в руках руководителя оркестра флейта. Лицо его украшают огромные усы, он подтянут и строг. Музыкальная традиция сохранялась и в тридцатые годы XX века - при клубе наро-фоминской фабрики были духовой и струнный оркестры.

Семьи Якунчиковых и Третьяковых были очень дружны. Выходные дни их дети проводили поочередно то в Кисловском переулке, то в Лаврушинском. Часто к ним присоединялись и шестеро детей купца С. Алексеева, среди них красавцы Володя и Костя. У Якунчиковых сначала был танцкласс известного балетмейстера Линдрота. Затем младшие дети играли в куклы, а старшие - расходились по интересам. Обедали в пять часов вечера. По воспоминаниям дочери Третьякова Александры "на первом этаже накрывался стол человек на тридцать. Бывало очень весело... После обеда молодежь играла в зале в игры. В 9 часов ехали домой". В доме Третьяковых самым притягательным местом была картинная галерея. Порой Вера Ни-

колаевна устраивала танцевальные молодежные вечеринки, где обязательно бывали падчерицы Зинаиды Николаевны, Лиза и Наташа, которых она искренне любила. В дождливые осенние и зимние вечера на даче Третьяковых в Кунцево собиралась "своя" компания любителей музыки. Играли в 8 рук на фортепиано, поочередно сменяя друг друга. Чаще всего звучали квартеты Бетховена и Шуберта. (3)

Летом многочисленное семейство Якунчиковых выезжало в имение Введенское под Звенигородом. Великолепный центральный дом усадьбы, как и весь архитектурный ансамбль, был создан на рубеже XVIII-XIX веков архитектором Н. А. Львовым по заказу князя П. В. Лопухина. Якунчиков купил Введенское в подарок молодой жене в середине 1860-х годов. В то время усадьба была частично деревянная. Комплекс выглядел настоящим дворцом. Один из фасадов с величавым шестиколонным портиком коринфских колонн выходил на обрыв. С двух сторон к зданию вели отлогие, слегка закругленные пандусы со статуями на постаментах. (7) Замечательное сочетание красоты архитектуры, живописных окрестностей и гостеприимства хозяев привлекали во Введенское людей искусства. Достаточно сказать, что на заднем плане многих картин Борисова-Мусатова виднеется дворец во Введенском. В одном из флигелей усадьбы размещался домашний театр, которым руководил будущий Станиславский.

В. И. Якунчиков. Начало 1900-х годов

В 1884 году Якунчиков продает Введенское. Все его близкие тяжело переживали продажу усадьбы. Это неожиданное событие родственники связывали с обострением отношений Якунчикова с женой. Впервые резкая неприязнь появилась у супругов в связи с чувствами старшей дочери Зинаиды к Эмилю Юльевичу Морицу, имевшему еврейское происхождение. Василий Иванович был против их брака. Зинаида Николаевна, сочувствуя влюбленным, помогла им тайно обвенчаться. Очевидно, и других разногласий накопилось немало, что и привело к разрыву между супругами. Василий Иванович, забрав троих младших детей, перебрался в усадьбу с огромным парком в подмосковном сельце Черемушки, а жену и старших дочерей оставил в московском доме. Года через три семья воссоединилась, но лишь внешне, что не лучшим образом отражалось на детях. (3, 5)

Продажу Введенского можно, вероятно, объяснить и нуждой в свободных средствах. Свое дело московский купец ценил превыше всего и, не желая быть обязанным кому-либо, не считался с собственной семьей. Приобретя на винных откупах значительный капитал, Якунчиков после возвращения из Англии давал свои деньги "в рост". Известно, что в 1866 году он, уже став одним из учредителей Товарищества Воскресенской мануфактуры в селе Наро-Фоминском, кредитовал фабриканта из Егорьевска Н. М. Бардыгина. (1) Деловая активность В. И. Якунчикова, проявлялась и в том, что он вкладывал свои средства в развитие не только фабрик в селе Наро-Фоминском, но и других предприятий.

В 1870-х годах "Якунчиков с товарищами" приобрели у наследников верейского купца Занегина хорошо оборудованную бумагопрядильную фабрику, расположенную в селе Красное Боровского уезда. Но, видимо, Василию Ивановичу срочно потребовались наличные деньги (вспомним и неожиданную продажу усадьбы под Звенигородом), и в 1884 году хозяевами фабрики в селе Красном становятся крестьяне Калужской губернии Иван и Евграф Александровы, очевидно, его бывшие "товарищи". (8) Якунчиков был известен и как лесопромышленник. В Ташировской волости "Якунчиков и К" вла-

дели 1334 десятинами (десятина равна 1,1 гектара) лесных угодий, которыми управлял "австрийский подданный ученый лесовод Эдуард Иванович Сук". Здесь окрестные крестьяне подрабатывали зимой на вывозке древесины и дров. (9)

Были во владении Василия Ивановича и кирпичные заводы. Один из них находился в Звенигородском уезде вблизи станции Одинцово Московско-Брестской железной дороги. Другой кирпичный завод, где работало 100 человек, располагался в селе Троицком-Черемушки Зюзинской волости Московского уезда. (9, 10) В 1869 году Якунчиков становится одним из двадцати учредителей Московского купеческого общества взаимного кредита, прибыль которого на 1 января 1894 года составила более 13,5 миллионов рублей. Он кропотливо и последовательно преумножал свой капитал. (11) "Вы шли стопой благоразумной осмотрительности, а я без всякой сдержанности давал волю своим фантазиям", - писал Якунчикову разорившийся Кокорев.

Но любого предпринимателя может постигнуть неудача. В 1897 году Якунчиков стал членом акционерного общества "Сталь", организованного Международным коммерческим банком под личным патронажем великого князя Петра Николаевича. Общество собиралось разрабатывать месторождения серебра и "неисчислимые" залежи железной руды вблизи Ладожского озера, наличие которых подтверждались исследованиями крупного австрийского ученого, приглашенного для независимой геологической экспертизы. На деле, руда находилась лишь на поверхности, и никаких залежей не существовало, а ученого подкупили. В результате пострадали многие частные лица и предприниматели, в том числе Н. П. и К. П. Бахрушины, С. В. Перлов, В. А. Хлудов и В. И. Якунчиков. (12)

Общественная и благотворительная деятельность Якунчикова - достойный пример современным предпринимателям. Вступив в 1860 году в купеческое сословие, он стал членом Совета Московской практической академии, а в течение трех лет был его председателем. Много лет состоял выборным в городскую Думу от Московского купечества, почетным членом коммерческого училища, выборным Московского биржевого

общества, членом Московского отделения Совета торговли и мануфактур, агентом учреждений Св. Магдалины при Попечительстве о бедных в Москве, членом Комитета для оказания всепомоществования семействам убитых, умерших от ран и изувеченных воинов. (13)

К концу XIX века Василий Иванович Якунчиков все более удалялся от дел. За свои заслуги в развитии российской промышленности и крупные материальные пожертвования он был высочайше удостоен званием Коммерции советника, и, соответственно, стал личным дворянином. Но был ли он счастлив? Жена давно уже стала чужим человеком. Дети жили своей жизнью. По словам художника Игоря Грабаря "Старик В. И. Якунчиков жил безвыездно в Москве. Это был среднего роста человек с седыми бакенбардами, совсем не похожий на коммерсанта, а скорее напоминавший одного из тех сенаторов, которых я часто видал у Ф. М. Дмитриева"... Грабарь, гостивший в 1902 году в усадьбе князя А. А. Щербатова, позднее вспоминал о фабрике, развитию которой Василий Иванович Якунчиков отдал немало сил: "Из окон моей комнаты, помещавшейся в павильоне с бельведером, была видна фабрика, находившаяся по ту сторону реки Нары. Поздней осенью, в конце октября, по вечерам я часто наблюдал, как зажигались ее огни. Сначала бледные, розового цвета, они постепенно переходили в оранжевый, желтый и сверкающий белый. Было нечто фантастическое в этой сотне ослепительных глаз, глядевших из ночной черноты сквозь гнущиеся от ветра ветви сухих деревьев, под карканье воронья, тучами покрывавшего свинцовое небо. Я пробовал, как мог, передать это жуткое впечатление, но, конечно, не выразил и десятой его доли". (14)

В 1907 году фабрика была продана московскому фабриканту Эмилю Цинделю. Принято считать, что причиной послужили рабочие волнения 1906 года, напугавшие прежних хозяев. Но, скорее всего, продажа фабрики была вызвана разделом имущества.

Фабрикант В. В. Якунчиков, директор Наро-Фоминской фабрики М. Л. Самородов, фабрикант Н. И. Алексеев, владелец шерстопрядильной фабрики в деревне Новинской Верейского уезда

Якунчикова дача

Наталья Васильевна, старшая дочь В. И. Якунчикова от первой жены (1858-1931), 24-х лет вышла замуж за известного русского художника потомственного дворянина Василия Дмитриевича Поленова (1844-1927). Она увлекалась рисованием и, прекрасно разбираясь в искусстве, стала первым историком знаменитого Абрамцевского кружка, объединившего замечательных русских художников. Ею написаны книги "Е. Д. Поленова" (1902), "М. В. Якунчикова" (1905) о жизни и творчестве замечательных художниц Елены Дмитриевны Поленовой и Марии Васильевны Якунчиковой и "Абрамцево" (1922). Наталья Васильевна обладала и педагогическим даром, который раскрылся в общественной деятельности по народному образованию. Ученики Поленова К. Коровин, С. Иванов, А. Архипов, А. Головин, И. Левитан, Л. Пастернак и их друзья В. Серов, И. Остроухов, М. Нестеров были благодарны Наталье Васильевне за участие и понимание, за гостеприимство в московском доме и в имении Поленовых Жуковке. Никогда на этих собраниях не велись пустые светские разговоры. Совместные акварельные или рисовальные сеансы сменялись беседами и спорами об искусстве и поисках новых путей в художественной жизни. По словам Натальи Васильевны, это была светлая полоса высокого духовного счастья. (1) Воспоминание о том духовном объединении поддерживало и давало силы в трудные послереволюционные годы. Поленовы привыкали к новой жизни в построенном ими в конце XIX века доме под Тарусой, который стал впоследствии домом-музеем художника. Увлекавшийся театральным искусством, В. Д. Поленов в 1915 году на свои средства купил участок в Москве для строительства дома для Секции содействия фабричным и деревенским театрам. В 1918-1919 годах супруги занимаются организацией крестьянских театральных кружков в окрестностях Тарусы. Голод. Холод. Художник работает при свете керосиновой лампы, согревая руки в варежках. А за границей произведения Поленова идут нарасхват, оцениваясь в тысячи долларов. В 1924 году прошла первая персональная выставка ху-

дожника в Третьяковской галерее. В 1926 году, за год до своей кончины, В. Д. Поленов был удостоен звания народного художника Республики. Наталья Васильевна прожила всего 73 года, но, как оказалось, дольше всех своих братьев и сестер. Желающие ближе познакомиться с жизнью и творчеством В. Д. Поленова найдут много интересного в книге внучки художника Е. В. Сахаровой "В. Д. Поленов, Е. Д. Поленова. Хроника семьи художника".

Владимир Васильевич, сын В. В. Якунчикова от первого брака (1855-1916) пошел по стопам отца. Закончив юридический факультет Московского университета и получив звание кандидат права, он замещает его в делах Товарищества Воскресенской мануфактуры. После продажи фабрик в селе Наро-Фоминском, он вкладывает свою долю наследства в паевое Торгово-промышленное товарищество А. и В. Сапожниковых и становится одним из трех директоров правления. В. Г. Сапожников был женат на Елизавете Васильевне Якунчиковой (1856-1937), которая тоже унаследовала от отца коммерческую жилку и в 1900-е годы была кандидатом в директора правления Товарищества. (3) Дела шли удачно. В 1912 году Товарищество располагало паевым капиталом в 2,5 миллионов рублей и было широко известно своей качественной продукцией, следуя давней традиции. Уже в конце XIX века считалось, что "как по размерам, так равно и по совершенству парчовых и изящных шелковых тканей в России первое место принадлежит фабрикам Товарищества А. и В. Сапожниковых". (4)

Успешная коммерческая деятельность В. В. Якунчикова способствовала его увлечениям, меценатству и благотворительности. Он собрал ценную библиотеку по искусству. На его средства были сняты копии с произведений художников эпохи Возрождения для Музея изящных искусств в Москве (в настоящее время Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Владимир Васильевич субсидировал кустарные вышивальные мастерские в Абрамцеве, которыми после смерти сестры Поленова Елены Дмитриевны руководила его жена Мария Федоровна (урожденная Мамонтова). В 1900 году он стал одним из устроителей Отдела русского искусства на Всемирной выставке в Париже. Судя по откликам в прессе, изделия русских мастеров имели оглушительный успех! (5)

Супруги В. В. и М. Ф. Якунчиковы участвовали в общественной работе уездного и губернского земства наравне с именитыми потомственными дворянами и представителями царской фамилии. Как сообщается в "Памятной книге Московской губернии за 1899 год", надворный советник В. В. Якунчиков - член Елизаветинского благотворительного общества, а его жена - директриса Дамского благотворительного тюремного комитета. Его также возглавляет Великая княгиня Елизавета Федоровна, а председательницей и членами комитета являются светлейшая княжна А. А. Ливен, княгиня Юсупова и графиня Сумарокова-Эльстон. Одно время В. В. Якунчиков был председателем комиссии по исследованию дорожного дела в Московской губернии. Это подтверждают "Акты осмотров шоссейных дорог, находящихся в заведовании Московского губернского земства" за 1891 год. Работа была напряженная, так как давалась оценка каждых 100 саженей дороги. Проверялись толщина уложенного песка и щебня, состояние обочин, мостов, и других сооружений и по замечаниям давались рекомендации для исправления состояния дорожного хозяйства. Все лето члены комиссии провели в разъездах. В Верейском уезде надворный советник В. В. Якунчиков избирался Почетным мировым судьей и гласным по 1-му избирательному (дворянскому) собранию. Гласный имел право и обязанность выступать на губернском земском собрании по вопросам, касающимся своего уезда. В частности, известны выступления Якунчикова по вопросам строительства школ за счет губернского земства и налогового обложения предприятий Верейского уезда. (6) Он же являлся попечителем училища Министерства народного просвещения при фабрике Товарищества Воскресенской мануфактуры (бывшей фабричной школы). Естественно, что все эти почетные должности исполнялись на общественных началах и требовали немалого расхода собственных средств, как и содержание фабричной больницы и созданного отцом оркестра, в котором играли рабочие. Ма-

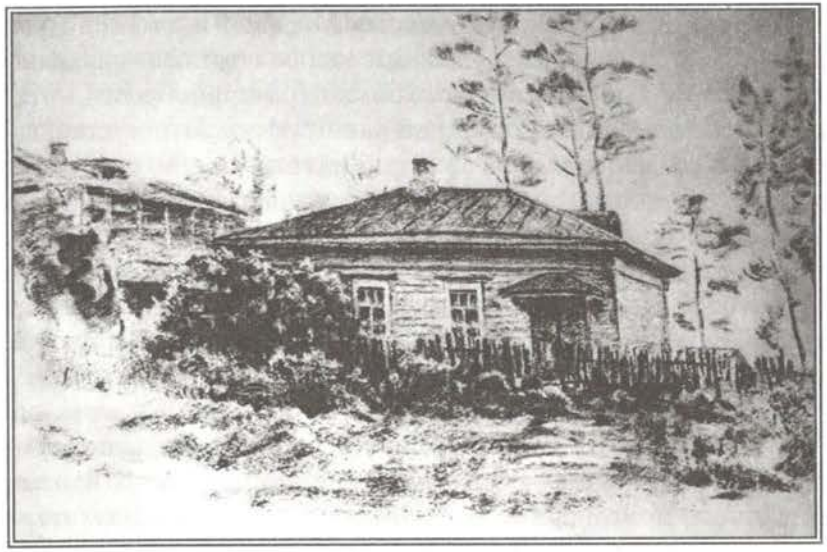
рия Федоровна тоже увлекалась искусством, чему во многом способствовала ее многочисленная родня и, в первую очередь, дядя Савва Иванович Мамонтов, известный меценат, и его жена Елизавета Григорьевна (урожденная Сапожникова), одна из создательниц Абрамцевского кружка и кустарных мастерских в имении Абрамцево. Мария Федоровна занималась возрождением русского прикладного искусства и организацией кустарных промыслов. В 1881 году во время сильного голода в Тамбовской губернии она открыла бесплатные столовые и создала в селе Соломенки вышивальные и швейные мастерские по образцу абрамцевского производства. Крестьянкам раздавались заказы и скупались старинные местные вышивки.

Помощницей Марии Федоровны стала художница Наталья Яковлевна Давыдова. Ей удалось настолько успешно организовать это дело, что о нем стало известно и в Европе. (3, 7) К сожалению, с творчеством Н. Я. Давыдовой не удалось познакомиться. Известно, что в журнале "Мир искусств", который выпускался с 1899 года, встречаются ее орнаментальные рамки, буквицы и виньетки. Семейство Давыдовых проживало в селе Наро-Фоминском. В записях метрических книг Николаевской церкви встречается имя потомственного почетного гражданина города Москвы Василия Яковлевича Давыдова. Возможно, он был инженером или занимал какую-то административную должность на фабрике. Его женой стала дочь директора фабрики купца В. А. Желудкова Лидия. Вместе с ним проживали сестры Варвара и Ольга, работавшая акушеркой фабричной больницы, и мать Ольга Васильевна Давыдова, имевшая лютеранское вероисповедание. В 1890 году Елизавета Григорьевна Мамонтова, видя, как разрослось вышивальное производство Марии Федоровны, предложила ей сообща с гончарной мастерской Мамонтова снять центральный магазин в Петровских линиях с вывеской "Магазин Русских работ". После смерти Е. Г. Мамонтовой в октябре 1908 года М. Ф. Якунчикова и Н. Я. Давыдова взяли столярно-резчицкую мастерскую в Абрамцеве и магазин в свои руки. Наталья Яковлевна по предложению Кустарного музея стала руководить и производством мебели, что способствовало еще более широкому развитию музея.

Кустарный музей, открытый в Москве 9 мая 1885 года, был создан губернским земством с целью обучить желающих тому или иному ремеслу, помочь мастерам приобрести материал и с выгодой без перекупщиков реализовать кустарные изделия. В дальнейшем по инициативе Звенигородского земства с помощью музея была открыта щеточная мастерская в деревне Марушкино (сейчас Наро-Фоминского района), которая при советской власти была преобразована в артель, выпускавшую щетки до середины прошлого века. В советское время Мария Федоровна жила в Тарусе, где основала Артель вышивальщиц. (3)

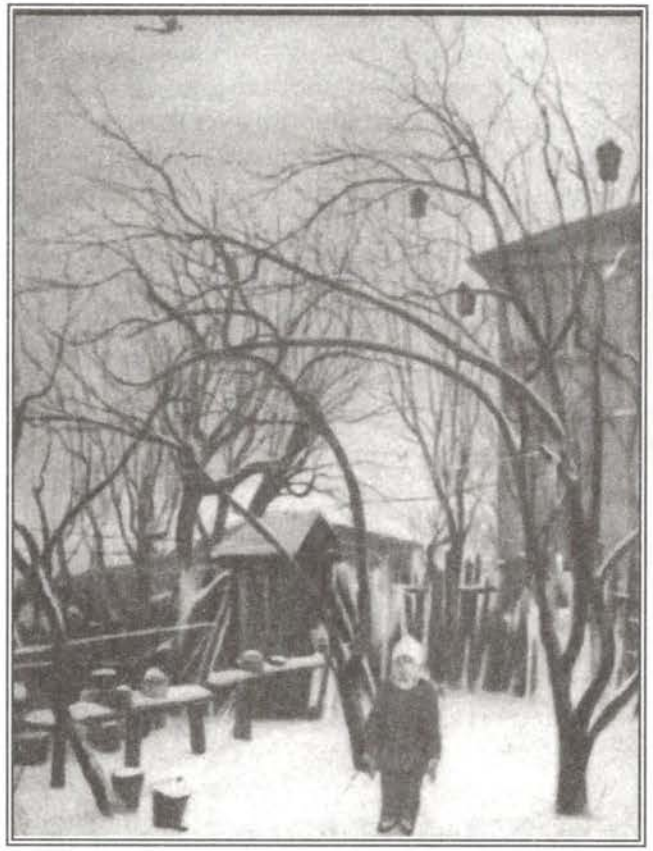
Многим жителям Наро-Фоминска известно название "Якунчикова дача". Но как она выглядела в первозданном виде, известно только из обрывочных воспоминаний тех, кто посещал гостеприимных хозяев. На берегу реки стоял двухэтажный дом с верандой. Неподалеку от дома находились два небольших флигеля - деревянный и кирпичный. Дом окружал четырехугольной формы парк с длинными прямыми аллеями, в котором росли фруктовые и декоративные деревья и кустарники. (8) Здесь у гостеприимных хозяев постоянно бывали артисты, художники и литераторы.

Мария Федоровна любила принимать гостей и в своем новом московском доме в Пречистинском переулке, построенном в 1900 году в стиле модерн. Он представляет из себя два параллелепипеда, врезанных один в другой. Большие оконные проемы увеличивают внутренний объем. Дом почти лишен декоративных украшений, за исключением исполненных в мастерской С. И. Мамонтова зеленовато-коричневых майоликовых вставок, которые гармонируют с мягким желтоватым цветом облицовочного кирпича. (2) О посещении этого дома О. Л. Книппер-Чехова сообщала в письме своему мужу: "... Поехала к Якунчиковой. ... Сидела в ее интересном белом кабинете, болтала, много говорили о тебе. Она восторгается тобой, говорила мне, что я счастливая, потому что ты меня любишь. Мечтала о том, как мы с тобой приедем к ней летом, и она покажет нам своих баб". (9) Возможно, имелись в виду работы мастериц, но за этим обещанием могло стоять и другое - Мария Фе-



Флигель в усадьбе Якунчиковых. С акварели художника Симова

доровна любила удивлять и радовать своих гостей. Художник И. Э. Грабарь, гостивший в 1901 году в усадьбе князя А.А. Щербатова, вспоминал, как его и князя С. А. Щербатова пригласили на дачу Якунчиковых к заходу солнца. Они сидели на террасе, любуясь холмистой, пересеченной оврагами местностью, которую замыкал далекий лес. Вдруг из леса донеслись звуки свирели, и медленно вышло стадо коров с пастушком. Тонко подготовленная хозяйкой "пастораль", вызвала искренние слезы недавно вернувшихся из Парижа друзей. Не раз, посещая Якунчиковых, они познакомились с гостившим у них актером Художественного театра А. Л. Вишневским. В поставленной им на фабрике пьесе Чехова "Медведь" он играл главную роль. (10) Неизвестно, любовался ли живыми картинками Чехов, живя на даче у Якунчиковых летом 1903 года. Здесь он много работал над корректурой рассказа "Невеста", переделав его заново, как считают местные исследователи, под влиянием окружающей природы. Трудно давалась больному писателю пьеса "Вишневый сад", обещанная им Художественному театру. Но в письмах Чехова, отправленных из Нары в июне 1903 года, нет и признаков недовольства. "Погода здесь



В. К. Алексеев. Прогулка по первому снегу. Якунчикова дача. 1988

дивная, очаровательная, все в цвету, птицы кричат день и ночь. Я сижу у большого окна и помаленьку работаю". "Здесь у Якунчиковой река глубокая, рыбная, но я еще не удил; здоровье мое недурно, ем хорошо, особенно простоквашу. Познакомился с художницей Н. Я. Давыдовой, очень милой барышней". "Погода у нас хорошая, все в цвету, в саду шумно от птиц. Речка хорошая, глубокая. Хозяйка Якунчикова не дурная и не глупая женщина... Мне дом в Ялте тоже нравится, но жизнь зимой до такой степени томительна и жестка, что теперь, кажется, отдыхаю". (11) Прожив в Наре более месяца, вечером 8 июля Чехов отправился поездом в Ялту. И здесь, одинокого и

тяжело больного, его раздражали даже воспоминания о беззаботно отдыхавших обитателях дачи. Только этим можно объяснить ту нелестную характеристику хозяевам дачи, которая прозвучала в письме, написанном им из Ялты в 1904 году: "Я здесь как в ссылке. Жизнь у Якунчиковых вспоминается почему-то каждый день. Такой безобразно праздной, нелепой,

М. В. Якунчикова. Городок. 1899

безвкусной жизни, какая там в белом доме, трудно еще встретить. Живут люди исключительно только для удовольствия - видеть у себя генерала Гадона, или пройтись с товарищем министра князем Оболенским. И как не понимает этого Вишневский, взирающий на этих людей снизу вверх, как на богов. Там только два хороших человека, достойных уважения: Наталья Яковлевна и Максим. Остальные... впрочем, оставим сие". Уж не лакей ли Максим послужил прообразом забытого хозяевами старого слуги Фирса из "Вишневого сада"? Грабарь считал, что по отношению к Марии Федоровне, Чехов слишком жесток, она всегда отличалась кипучей энергией: он напоминает о замечательной кустарной выставке в Таврическом дворце 1902 года, которую она организовала. А Владимира Ва-

сильевича, в свою очередь, называет фантастическим бездельником, от праздности не находящим себе места. (10) Но и Грабарь, как мы могли убедиться, был несправедлив в своей оценке В. В. Якунчикова.

Жаль, что Якунчикова дача не дожила до наших дней - она могла бы стать местом паломничества. В 1929 году Экскурсионно-государственное акционерное общество "Советский турист" выпустило путеводитель "По Московскому краю". Среди исторических мест названа бывшая дача Якунчиковых, без упоминания имени владельцев. Что же могли увидеть советские туристы? "Прекрасный дом сгорел. Остались лишь постройки, где жили Чехов и Станиславский. Громадный вековой, окружающий усадьбу тесной стеной, еловый лес с моховым седым налетом производит своей тишиной сильное впечатление. Мы по узкой дороге среди леса выходим на поляну, к так называемым "трем часовням". Это старые, покрытые мохом часовни, послужили Чехову мотивом для сцены в пьесе "Вишневый сад". Они же воспроизведены Художественным театром в его постановке". Во втором действии пьесы дано описание окрестностей Якунчиковой дачи: "Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами,

М. В. Якунчикова. Часовня в Наре. 1900

З. В. и Э. Ю. Мориц. Середина 1880-х годов

и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов, и далеко-далеко, на горизонте неясно обозначается большой город"... (12) Город - это виднеющийся вдали фабричный поселок. В годы гражданской войны на Якунчиковой даче был организован детский дом. Дольше всех зданий сохранялся знаменитый флигель, где жил Чехов. Но и он сгорел, так и не дождавшись должного внимания властей и общественности.

Зинаида Васильевна Якунчикова (1863/64 - 1929) была дочерью В. И. Якунчикова от второго брака. Ее первым мужем был Эмиль Юрьевич Мориц. Во втором браке она носила фа-

милию де Грен. Художник Виктор Михайлович Васнецов говорил о классическом характере ее красоты. В 1892 году Валентин Серов написал ее портрет, который считается его лучшей работой (находится в Художественной галерее г. Иваново). (3) Как пишет исследователь творчества Михаила Булгакова Мариэтта Чудакова, приехав в Москву, писатель познакомился с компанией Пречистинских переулков, которую с юных лет составляли "разносторонне образованные, веселые, жизнелюбивые люди". Они встретили провинциала Булгакова - "одни охотно, другие со сдержанностью, с некоторым снобизмом выходцев из богатой столичной среды". Булгаков, узнавая подробности личной жизни новых знакомых, понемногу "мстил" им в своих произведениях. В "Собачьем сердце" есть реплики "дамы": "Клянусь, профессор, - бормотала дама, дрожащими пальцами расстегивая какие-то кнопки на поясе, - этот Мориц... Это моя последняя страсть!"

Прототипом "дамы" стала дочь богатейшего купца Прохорова А. С. Лямина, бывшая портнихой у советского правительства и занимавшая блестящее положение в нэповской Москве. Влюбившись в сына З. В. Якунчиковой Владимира Эмильевича Морица, она разошлась с мужем, а Мориц оставил свою семью. С. В. Шервинский рассказывал о Морице: "Его мать ...с раннего возраста развивала в сыне деловые качества, он еще юношей стал у нее управляющим делами; потом на все на это плюнул и поступил на филологический факультет Московского университета... Он заведовал в Париже советским павильоном на международной выставке." В октябре 1929 года арестовали троих членов веселой компании. Через несколько месяцев был арестован и В. Э. Мориц - по дороге на службу в Государственную академию художественных наук; ее разгром завершился в полгода. (13) Но Елизавета Васильевна уже не узнала об аресте сына.

После смерти В. И. Якунчикова владельцем кирпичных заводов при станции Одинцово и в Черемушках стал его сын Николай Васильевич (1873-1931). Он служил дипломатом, долгое время жил за границей. Его семейство проживало в отцовском доме на Кисловке. В 1907-1908 годах стоявший на

8 – 4514

усадьбе двухэтажный особняк Н. В. Якунчиков сдавал скульптору Сергею Коненкову за символическую цену 35 рублей (следующая мастерская в полуподвальном помещении обошлась тому в 60 рублей). Скульптор "отблагодарил" хозяина, представив его в книге "Мой век" (14) человеком, мало смыслящим в искусстве. Он утверждал, что Якунчиков "выжимал все возможное из рабочих своего кирпично-керамического завода в Черемушках" и первым в Москве обзавелся автомобилем с итальянским шофером. Тем не менее, Коненков с большим удовольствием выполнил дорогой заказ Якунчикова, сделав скульптурный портрет его жены Ольги Николаевны. Когда она позировала в красивой узорной шали, художник слышал мелодию испанского романса Глинки на стихи Пушкина. Он "работал с дерзкой веселостью" и окончил бюст в считанные дни. "Портрет Ольги Николаевны Якунчиковой в испанской шали" имел большой успех на выставке, а затем был установлен во дворце в Черемушках. Усадебный ансамбль "Черемушки", известный с конца XVIII века, когда-то принадлежал князьям Голицыным и Меньшиковым. Якунчиков решил возродить архитектурный декор, парковые затеи и украшение залов дворца, пригласив известного архитектора Ивана Владиславовича Жолтовского. В наши дни на территории бывшей усадьбы располагается санаторий. Судьба жестоко обошлась и с купцами, и с художниками. Коненкову, который был кровно связан с Россией, против своей воли пришлось длительное время жить за границей. Там его жена-красавица по заданию советской разведки соблазняла Энштейна и, говорят, не без взаимности.

Святой колодец в Наре

О творчестве замечательной русской художницы Марии Васильевны Якунчиковой (1870-1902), стоявшей у истоков формирования стиля модерн в России, стало широко известно благодаря многолетней работе искусствоведа М. Ф. Киселева, создавшего монографию о художнице. (1) Узнав о том, что творчеством Якунчиковой интересуются в России, ее сын, С. Л. Вебер, проживавший в Швейцарии, позволил сделать слайды и фотографии с картин и ксерокопии документов, в том числе дневника художницы, а также передал ряд ее произведений в Музей-усадьбу В. Д. Поленова. В настоящее время основная коллекция работ М. В. Якунчиковой находится за границей у ее внучки И. С. Вебер. В декабре 2005 года на аукционе Sothebys продавались 11 картин М. В. Якунчиковой. Эксперты оценили одно из полотен - "Колонны во Введенском" в 150-200 тысяч евро.

Мария родилась 19 января 1870 года в Висбадене, где родители проводили зиму. В семье Василия Ивановича Якунчикова дети воспитывались в творческой атмосфере. Дома царила музыка: для проведения воскресных концертов приглашались знаменитости, в том числе и иностранные. Уроки музыки дочерям Якунчикова давал молодой А. Н. Скрябин. Дети регулярно посещали утренние репетиции симфонических концертов в Дворянском собрании, вместе с родителями бывали на концертах в Московской консерватории и на оперных спектаклях в Большом театре. Посещение дома П. М. Третьякова, где дети Якунчикова бывают по-родственному запросто, и где уже собрана и постоянно пополняется коллекция картин известных мастеров, пробуждает в них интерес к изобразительному искусству. (2) Для обучения детей был нанят художник-преподаватель. Первые работы Марии Якунчиковой были сделаны в окрестностях звенигородского имения Введенское. Красота архитектуры усадьбы и Саввино-Сторожевского монастыря и живописная природа привлекали во Введенское людей искусства. Не случайно, на многих полотнах В. Э. Борисова-Мусатова виднеется архитектурный ансамбль Введе-

нского. Вот что вспоминает в своих "Автобиографических заметках" сестра художницы Вера Вульф: "На лето уезжали до глубокой осени в подмосковное имение Введенское... Простор деревни, густых лесов, обрывов, далей, песчаных отмелей в реке; двухверстная аллея вековых берез за белым домом с восемью громадными колоннами, под горою английский парк, а там Москва-река, левее - Саввинский монастырь, а от заката по вечерам гордые колонны, как огнем горят, и слышен мирный колокольный звон вдали. Торжественно покойно и до невыносимости прекрасно". (3) Все тяжело переживали продажу имения отцом в 1884 году. Многие произведения Марии Васильевны Якунчиковой исполнены во Введенском или навеяны воспоминаниями о нем.

М. В. Якунчикова. 1890-е годы

В 1885 году Мария поступает вольнослушательницей в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества. То, что старшая сестра (по отцу) Наталья замужем за известным художником Василием Дмитриевичем Поленовым, способствует посещению знаменитых поленовских рисовальных вечеров. Здесь Мария знакомится с учениками Поленова - И. Левитаном, К. Коровиным, С. Ивановым - и их друзьями - И. Остроуховым, В. Серовым, М. Нестеровым. Она встречается с ними и летом 1877 и 88 годов в имении Поленовых в Жуковке (недалеко от Мытищ). Горячая дружба связала Марию Якунчикову с сестрой Поленова Еленой Дмитриевной, художницей и замечательным человеком. В созданном ею кружке по изучению исторических и архитектурных памятников Москвы Якунчикова принимает самое деятельное участие. В результате один из эскизов Якунчиковой на тему царствования Алексея Михайловича "Царь в молельне" был удостоен в школе живописи и ваяния первого номера. (4) Осенью 1887 года Мария с отцом едет в Крым, где вместе с В. Д. Поленовым работает над этюдами, несмотря на дождливую погоду. К сожалению, эти работы не сохранились. Летом 1888 года появляется множество работ маслом и изящных акварелей, выполненных в имении родителей Мореве и Жуковке. Автор словно парит над землей, передавая зрителю свой восторг от увиденного и любовь к подмосковной природе. Даже тень от леса на ее картинах не темная, а цветная... Общаясь с большими художниками, определившими новый этап развития русского искусства, М. В. Якунчикова в несколько лет становится настоящим мастером, имеющим свой почерк. В ее произведениях ощущаются и чуткость души, и пытливость ума, к тому же они необыкновенно музыкальны и поэтичны. (1)

М. В. Якунчикова. Колонны во Введенском. 1894

Осенью 1888 года Мария с отцом и сестрами впервые едет за границу - через Вену в Италию. Венеция встретила путешественников холодным ненастьем, но дождь не смог скрыть ее прелести от художницы: "... Вода в каналах совсем голубовато-

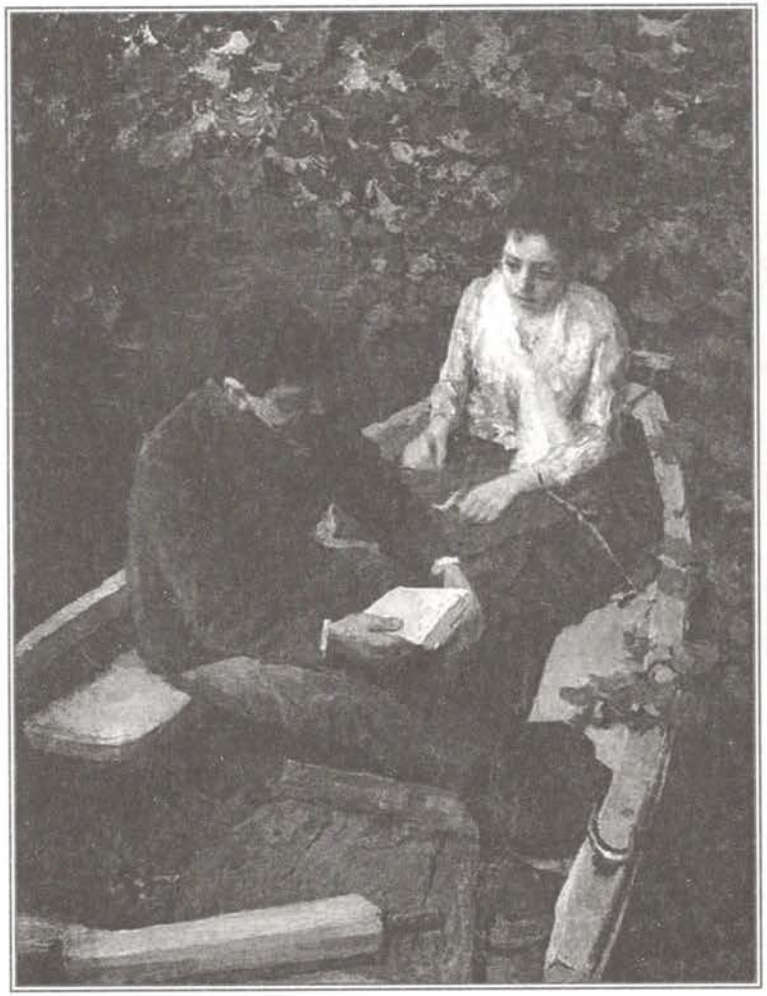
мыльная, чудного тона. Вообще улицы и капеллы такой красоты неописанной, что просто горячо в горле делается". Знакомясь с архитектурными памятниками, произведениями старых западно-европейских мастеров в галереях Вены, Венеции, Флоренции, Рима, свои впечатления она сохраняет в зарисовках: "Впитываю в себя все, на что натыкаешься, и ни минуты не могу охладиться, даже ночью; чудятся мне какие-то фрески, своды, улицы, зеленые ставни". Но в Италии Якунчиковых подстерегало несчастье: неожиданно заболела и умерла младшая девочка. Семья в горе возвращается в Россию. Мария занимается в Училище живописи, ваяния и зодчества, и эти усиленные занятия в жарких и душных классах обостряют дремавшую болезнь. Врачи ставят страшный диагноз: туберкулез и по их рекомендации в марте 1889 года она уезжает за границу в курортный город Биариц во Франции, перед этим посетив Берлин и Париж. Перед отъездом, сидя у окна родительского дома, Мария пишет этюд "Москва зимой. Вид из окна на Ср. Масловку". (Он хранится в музее-усадьбе Поленово.) Осенью того же года вся семья Якунчиковых съехалась в Париж на Всемирную выставку, а затем осталась здесь на зиму. В Париже Мария Якунчикова продолжает художественное образование. Она изучает рисунок и делает этюды с натурщиками. Позднее она скажет: "... Рисунок - высшее счастье". Знакомство с Антокольскими и женой С. Г. Мамонтова Елизаветой Григорьевной помогает Якунчиковой познакомиться с художественной жизнью Парижа и сокровищами его художественных музеев, галерей и выставок. Она увлекается анатомией, учится в Академии Жюльена и работает в мастерских известных французских художников. (5)

В Париже за ней начинает ухаживать молодой англичанин по имени Найджел, не имеющий ни профессии, ни состояния. Он был так нежен, так ласков и несчастен, что Мария не могла оттолкнуть его от себя, и, немало сомневаясь в своих чувствах, все больше склонялась к тому, что и сама его любит. Он уже был настолько уверен в себе, что начал проявлять деспотические наклонности. Расстроенная Мария записывает 3 января 1891 года в своем дневнике: "Очень грустно, хочется плакать, я ни-

когда не буду его женой. Не хочу, не хочу деспотизма. Вот он обман. Когда он не имел надежды на мою любовь, он был подчинен и подвластен (этим и заманил меня). Теперь же, видя, что успевает в любви, хочет ощутить власть свою. .... Скорей откажусь от вечной любви, но не дам себя в руки мужскому эгоизму. ... Грубая мужская сила еще не ставит мужчину выше женщины, ... эта сила не идет непременно рука об руку с нравственной силой, а одна она ничего не стоит". Но англичанин вновь завоевывает ее расположение раскаянием и своим несчастным грустным видом: приходит не бритый, плохо одетый. Меняет тактику, становится необыкновенно нежен, говорит о силе ее воздействия на него: "Я думаю, что если бы ты сейчас велела мне когонибудь убить, я бы это сделал. У меня не хватило бы сил устоять. Но ведь ты не будешь этим злоупотреблять, дорогая? ... Скажи, что ты меня любишь". Мария забывает о своих сомнениях, и он опять постоянно бывает в их доме, сопровождает ее во время посещения знакомых и на прогулках. Ее мать была в ужасе, но не могла препятствовать развитию их отношений. Специально приехавшая из России в Биариц родственница Якунчиковых А. В. Гольштейн (ее второй муж был сыном сестры В. И. Якунчикова), объяснила назойливому ухажеру, что Марии необходимо встретиться с отцом и спросить его согласия на брак, иначе он не даст приданого. Прощание было тяжелым для чувствительной девушки. Бледный Найджел казался таким несчастным и безнадежным! Ее еще долго донимают его письма с объяснениями в любви, и томит ожидание ответа отца. Но на расстоянии она уже может рассуждать здраво: "Он никогда не будет человеком, так мальчиком и останется. Что делать, отказаться от молодого счастья, которого хватило бы на два года? Страшно за то, что ему бы последовало"... И брат Владимир советует не торопиться с решением: "Человек, как видно, он ничтожный, не имеющий ни любви к тебе, ни энергии, ни качеств души"! Забыть неудачное увлечение помогает работа у мольберта, вечерние огни и чары Парижа, поездка в Медон с его тихими улочками и запахом цветущих деревьев. Англичанин, явно рассчитывавший на выгодный брак с дочерью богатого русского купца, исчезает из ее жизни.

Лето 1891 года Мария Васильевна проводит в России. Сначала в Морево Рузского уезда, где надрываются лягушки и соловьи, а возле колодца гуляют гуси, а затем в Любимовке, где "открытое окно, ветер с запахами цветов", и снова мучают воспоминания о Найджеле. Как забыть его белокурый, вьющийся вихор над нахмуренным лбом или светлую, нежную улыбку от ласкового слова, его взволнованные слова о любви? Но к прошлому уже нет возврата. "Да, все это было живо, горячо, а теперь ... я не хочу, чтобы оно повторилось". Она увлечена пейзажной живописью и много работает на природе. Заскучав, одна отправляется на лодке в гости к Третьяковым, живущим поблизости.

В начале августа Мария Васильевна навещает брата Владимира на его даче в селе Наро-Фоминском. Здесь, судя по записям в дневнике, она была в прекрасном расположении духа от оконченной работы. В сентябре, вернувшись в Москву, Мария Васильевна встречается с друзьями-художниками. Константин Коровин, которому очень нравятся ее летние работы, восклицает: "Ах, как хорошо, наш вы любимец! Дух. Нет, что с вами сделалось!", а Елена Дмитриевна Поленова говорит: "Кислородом пахнуло". В конце сентября - начале октября Мария Васильевна живет и работает в Тарусе, где В. Д. Поленов строит дом (впоследствии здесь был создан музей В. Д. Поленова). В письме знакомой она сообщает: "надо вернуться в Москву, чтобы подготовить к осенней выставке картины и рамы к ним. Я собираюсь живописью зарабатывать деньги; через несколько лет я буду иметь достаточно для покупки маленького дома в Париже, в котором я буду жить зимой, а летом буду возвращаться в Россию". Картину М. В. Якунчиковой "С колокольни Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода" приобрел в свою коллекцию взыскательный П. М. Третьяков. Это большая удача для молодой художницы. Но последняя неделя перед отъездом за границу была испорчена неожиданным объяснением в любви Константина Коровина. Три года назад в Жуковке Мария с удовольствием позировала художнику для картин "В лодке" и "За чайным столом", наблюдая его манеру письма. Но она всего лишь отдавала должное замечательному таланту Коровина. Поэтому его чувства вызвали у нее лишь досаду и излишние переживания. (5)



К. А. Коровин. В лодке

В конце ноября Мария Васильевна уже в Париже. "Звезд нету, как вчера льет и шуршит по крышам, стучит в стекло дождь; свет в окнах, шум с улицы. ... Здесь у меня пусто, голые стены, пол. Еще все мертво, но скоро, скоро каждый угол засветится теплым рассказом о чудных бесконечных картинах".

М. В. Якунчикова. Непоправимое. 1893-1895

Ей нездоровится, и вновь оживают воспоминания о былой любви. "Слезы подступили к горлу, так переполнена душа счастьем грусти, боязнью надежды, сожалением прошедшего, ожиданием незнакомого будущего. Сумею ли, сделаю ли? Там за темным окном Париж шумит, жизнь продолжается, ее изобразить надо... И мне надо тепла, радости людской"...

Постепенно приходит понимание, что верный друг находится рядом. Вместе с Якунчиковыми живет сын А. В. Гольштейн от первого брака Лев Николаевич Вебер. Он давно неравнодушен к Марии Васильевне, но, переживая за исход ее неудачной любовной истории, ни разу не переступил за чисто дружеские отношения. Лев Николаевич, она зовет его Мака, сопровождает Марию на выставки, в Лувр, в длительных прогулках в Версаль, Медон, во время которых она пишет этюды,

не дает ей скучать длинными зимними вечерами. В это время Мария Васильевна изучает анатомию, пишет натурщиков в мастерской, портреты знакомых, выжигает по дереву панно прямо с натуры с последующим раскрашиванием маслом, пробует свои силы в майолике и офорте... Новаторством в области графики стали ее красочные цветные офорты. Она смело применяла оконтуривание цветовых пятен, обводя и усиливая их толстой линией. Кажется, личная жизнь перестала волновать ее. И все же приходит время, и в ее дневнике появляется запись: "Как много он дает мне нежности, будто без него ничего и не сделала бы. Ах мой милый, милый, как я ему благодарна, как я его люблю". (5) Но еще много испытаний придется пережить Марии Васильевне и Льву Николаевичу, прежде чем они обвенчаются в 1897 году. Лев Николаевич станет известным врачом невропатологии и психиатрии и переживет свою любимую на 54 года.

В 1895 году Мария Васильевна побывала в Англии, о которой так много рассказывал отец. В письмах знакомым она восторженно описывает английскую жизнь и памятники архитектуры. Влияние английского искусства заметно в ряде ее офортов. Творчество М. В. Якунчиковой получает широкую признательность. И. Е. Репину понравились ее выжженные по дереву и раскрашенные панно, которые она представила на его выставке. Дорогого стоит мнение художника К. А. Сомова: "Она сейчас очень интересная художница, что очень большое исключение для женщин. Хорошо рисует, тонко чувствует тон и (достаточно индивидуальна) техника мужская". С. Дягилев предложил Якунчиковой принять участие в выставке русских и финляндских художников в 1898 году. Для его журнала она делает заставки. Чахотка обрекает Марию Васильевну на жизнь за границей, где климат мягче, но иногда она все же выбирается в Россию, и жадно впитывает всю прелесть неяркой милой природы средней полосы, перенося ее на полотно или делая фотокадры, чтобы освежить увиденное в памяти в далеком Париже. (6)

С мая 1898 года она живет в Швейцарии. Здесь родился ее первенец. Но роды были так тяжелы, что опасаясь за ее

жизнь, от Марии Васильевны скрыли печальное известие о кончине ее дорогого друга Елены Дмитриевны Поленовой.

В мае 1899 года вместе с сыном она приехала в Москву, чтобы провести лето на даче брата Владимира в селе Наро-Фоминском, окрестности которой привлекали своими прекрасными видами, заброшенностью и таинственностью. Как писала ее сестра Н. В. Поленова, "... в Наре, кроме общего сочувствия окружающих, Мария Васильевна нашла то, что вдохновило ее в России - по соседству старый барский дом князя Щербатова, у себя - террасу, напоминающую Введенское, кругом еловый лес с одинокой полуразрушенной часовней, у проселочной дороги - святой колодезь с крестом; старыя церкви, елочки и осинки".

Лето, проведенное в Наро-Фоминском, считается одним из самых плодотворных творческих периодов М. В. Якунчиковой. Ею созданы множество этюдов и картин. Среди них "Крест над святым колодцем в Наре"; "Часовня в Наре"; "Часовня в Наре. Опушка"; "Лужайка"; "Брусника нарофоминская"; гуашь "Парк в Черемушках. Пруд", как воспоминание об отцовской усадьбе в Черемушках; "Лестница в старый дом", увиденная при посещении усадьбы князя Щербатова; гуашь "Цветущие яблони", которая считается самым красивым творением художницы; "Вид с террасы" большого дома с колоннами дачи Якунчиковых.

В это время жена брата Мария Федоровна готовилась к открытию Всемирной выставки в Париже, где он субсидировал создание Кустарного отдела. Она собирала со всей России стилизованные игрушки, набойки ткани и примитивную утварь. Вдохновленная народным творчеством, Мария Васильевна задумала в Наре модель древнего городка для исполнения в кустарной мастерской Троице-Сергиева посада. В Наре был создан эскиз для драпировки - панно на стену под названием "Девочка в лесу". Вышитое панно, где девочка из села Наро-Фоминского ищет грибы, вместе с другими ее работами пользовалось большим успехом на Всемирной выставке в Париже в 1900 году и получило Большую серебряную медаль. Сейчас оно под названием “Девочка и лесник” выставляется в музее Орсэ. Как

много еще она могла бы сделать! Но сил и времени, чтобы выполнить задуманное, оставалось совсем немного.

В апреле 1900 года у Марии Васильевны родился второй сын. Здоровье молодой женщины резко ухудшилось. Весной 1902 года в безнадежном состоянии ее привезли в окрестности Женевы. Она еще пытается работать, но сколько грусти в ее последних записях. Рассуждая о важности перспективы, она вспоминает проселочную дорогу в России: "... Идет дорога через мост, ... потом поворачивает направо в лес, ... потом опять промелькнет сквозь деревья... И дальше ее опять видно... Разве можно без перспективы передать все это движение... А сколько теплоты и поэзии в этой извилистой русской проселочной дороге”. Вдали от родины 14 (27) декабря 1902 года Мария Васильевна Якунчикова "при звоне рождественских колоколов ушла от жизни земной". Над ее могилой на кладбище в Шэн-Бужери в Швейцарии был поставлен крест, сделанный по проекту Константина Коровина.

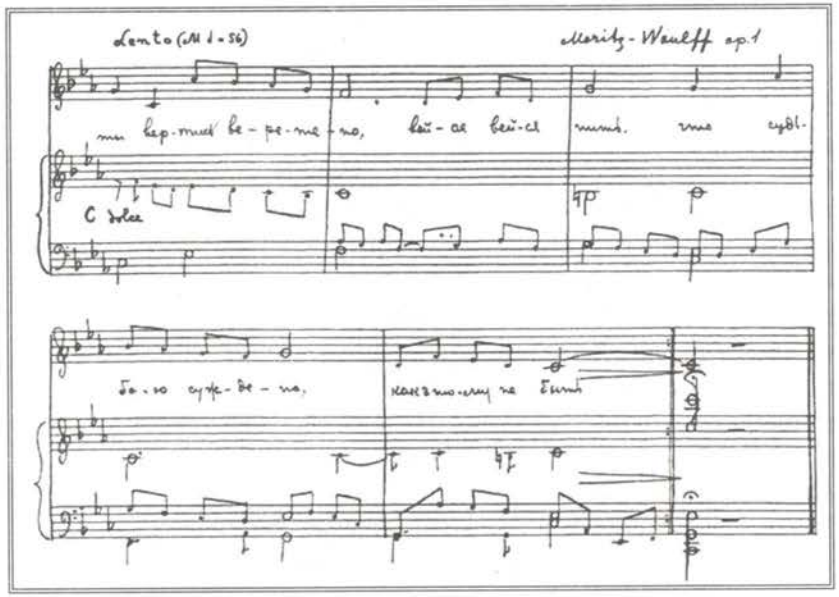
В 1905 году в России состоялась посмертная выставка М. В. Якунчиковой, которая привлекла широкое внимание любителей искусства. 16 ноября 1906 года из Парижа одна из учениц мастерской Д. Н. Кардовского М. Н. Ухина писала художнику А. И. Савинову: "На днях закрылся русский отдел осеннего сезона - он поразил французов. Как хорош Врубель - ... и этот удивительный художник умер!... Якунчикова - какая сильная - и в этой силе что-то до того нежное и поэтическое, что любуешься ею и оторваться трудно от ее маленьких рамок, где так много души и грации. Сколько сил ушло уже из русского искусства - и самых ярких". (7)

В. В. Якунчикова. 1890-е годы

Музыкант и художник

Вера Васильевна Якунчикова (1871-1923) была седьмым ребенком от второго брака отца. Она росла в детской между старшей сестрой Машей и младшим братом Колей, слушая любимые сказки и засыпая на руках у доброй няни. Ее считали кроткой и послушной, а она, не получавшая тепла и понимания близких, создавала в душе мир счастливых грез. В 11 лет Вера тяжело переживала развод родителей, когда отец перебрался в усадьбу Черемушки и взял с собой ее и еще двоих младших детей. Но и после того, как семья воссоединилась, ссоры родителей продолжались, что не лучшим образом отражалось на здоровье девочки-подростка. Еще в детстве у нее обнаружились музыкальные способности, но никто их не развивал. Когда всей семьей Якунчиковы отправились в Париж, она стала заниматься с опытными педагогами-музыкантами и скоро уже участвовала в публичных выступлениях. В Париже она сближается с сестрой Марией. Та - уже художница. Вере тоже хочется попробовать себя в живописи, но авторитет сестры ее подавляет.

Прожив в Париже три года, Вера выходит замуж за профессора минералогии и кристаллографиии Юрия Викторовича Вульфа. Они живут в Варшаве, где удобная, но скучная жизнь, от которой спасают поездки с детьми в Швейцарию или в Россию. Вера тяжело переживает смерть сестры Марии, у нее самой обостряется болезнь легких. Наконец, Вульфы переселяются в Россию. Вера Васильевна зимой - за роялем, летом - за художественной работой. Она начинает всерьез заниматься картинами-аппликациями из тканей. Художницу приглашают на выставки, где к ее творчеству проявляется большой интерес. Ее работы имеются в Третьяковской галерее. После 1910 года она живет в Тарусе. В годы гражданской войны один из ее сыновей, Борис, сражался в рядах Белой армии. Несмотря на болезнь, Вера Васильевна занимается творчеством и общественной деятельностью, создает в своем доме музей В. Э. Борисова-Мусатова, творчество которого она высоко ценила. За год до смерти Вера Васильевна пишет "Автобиографичес-

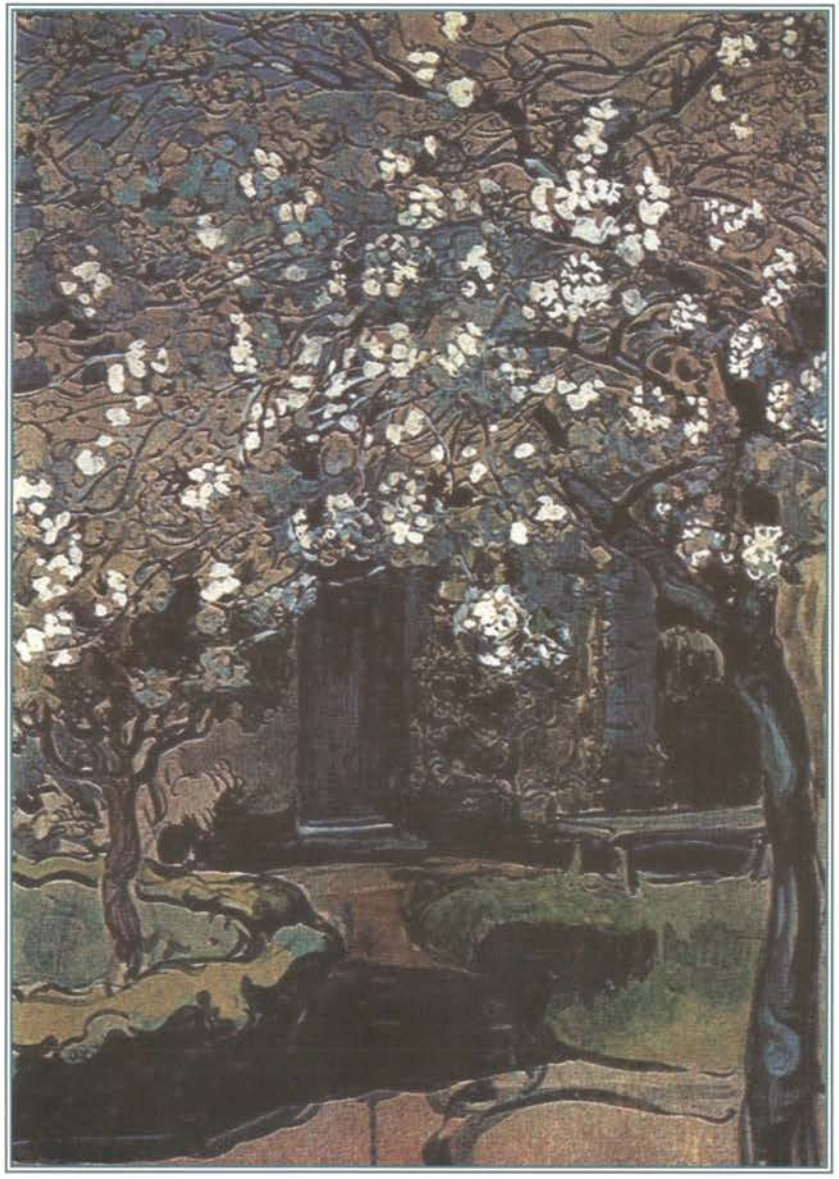


Партитура романса, сочиненного сестрами З. В. Мориц и В. В. Вульф. 1900-е годы

Ты вертись веретено,
Вейся, вейся нить.
Что судьбою суждено,
Как тому не быть…

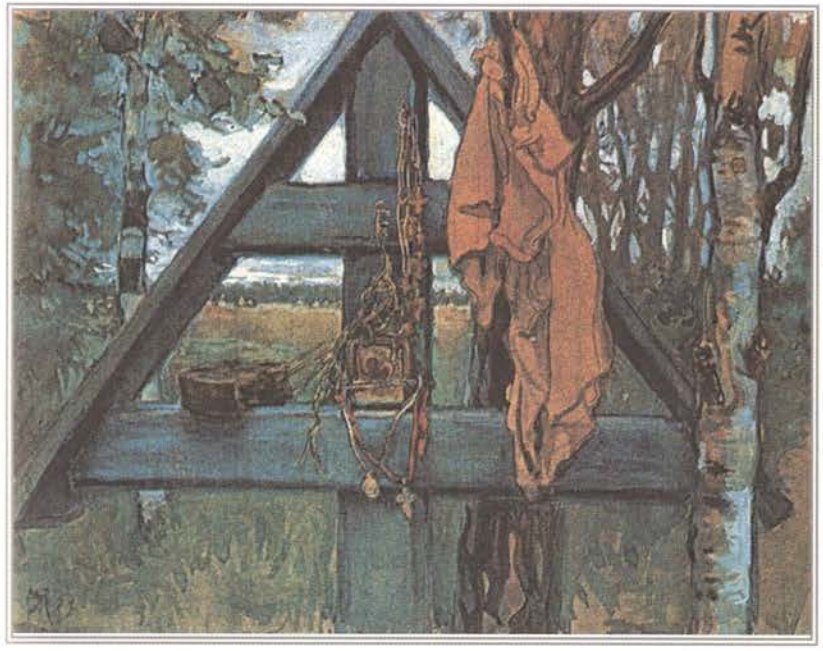
кие записки", обнаруживая дарование писателя. Она рассказывает о родителях, о жизни большой купеческой семьи. Несколькими емкими строчками описывает события первой мировой войны и революции, несбывшиеся надежды на перемены. "И всего как бы не стало, и что любить - не знаешь. И холодно, и голодно, и грязь, и царство пролетариев, страдания близких. Живешь с затравленной, надорванной душой". Но сколько силы и оптимизма в последних строчках "Записок": "Жить суждено, и жизнь люблю. Конца ее нет, и смерти не боюсь. Нам, женщинам, в страданье дающим жизнь, знакома смерть. В конце - начало". (1)

В. И. Суриков. Портрет княгини-бабы. (П. И. Щербатова). 1910



М. В. Якунчикова. Цветущие яблони. 1899

Н. П. Самородов. Елагинский овраг. 1948



М. В. Якунчикова. Крест над святым колодцем в Наре. 1899